

Виктор Мироненко.

Тезисы выступления на круглом столе РСМД и РГГУ «Тридцатилетие независимости Украины: состояние политики и экономики» 21 декабря 2021 г.

Уважаемые Ефим Иосифович, Андрей Вадимович, Александр Владимирович
Уважаемые коллеги.

Благодарю за приглашение и за возможность высказать несколько соображений по самой важной, на мой взгляд, для нашей страны и не только для неё политической проблеме.

Независимо от того, считаете ли и вы её таковой, я очень высоко оцениваю сам факт обращения Совета и Университета к «украинскому вопросу». В наше время это само по себе является свидетельством политической и научной смелости и состоятельности.

Не знаю, обратили ли вы внимание на то, что из российского академического дискурса, судя по научной периодике и по наиболее авторитетным собраниям экспертов-международников, например последним Конвенту РАМИ или заседанию Валдайского клуба, это вопрос практически исчез. Я не знаю, огорчаться этому или радоваться, чем это можно объяснить, но уверен только не утратой им политической и научной актуальности.

Свои наблюдения за происходящим в Украине, за тем как идентифицирует и позиционирует она себя я изложил в тексте, который мне предложили написать для «Рабочей тетради» РСМД.

В статье рассматривается лишь одна из составляющих этого процесса - формирование внешнеполитической парадигмы в свете концепции Т. Куна о «смене парадигм» [1]. Скажем сразу, мы не разделяем мнения о том, что в Украине её нет, что она заимствует чужие и управляется извне [2]. Но концептуализация внешней политики в ней, действительно, осуществлялась методом, который Е. Харкаби назвал «тактизацией стратегии». Тактика в ней шла впереди стратегии, а внешние импульсы, сталкиваясь и переплетаясь с внутренними, меняли свою валентность. Политика является искусством организации больших жизненных пространств. В Украине в политической суете внезапной суверенизации и спешного государственного строительства никак не сложится общее или хотя бы

разделяемого большинством граждан представление о том, каким должно быть это пространство [3], о том, что В. Зеленский назвал недавно «Украиной мечты».

Здесь же позвольте мне главные выводы из предпринятого мной в этой связи анализа.

Акт, принятый Верховным Советом УССР 24 августа 1991 года не только провозгласил государственный суверенитет Украины, но и известил мир о рождении Третьей украинской республики.

На неё возлагались большие надежды.

Оправдались ли они?

На этот вопрос не легко ответить однозначно. Трудно себе представить более сложную политическую задачу, чем та, которая в этой связи встала.

Стране, обнаружившей себя субъектом мировой политики де юре, предстояло стать таковой де факто в условиях, когда рушилось не только государство, частью которого она была, но и система европейской безопасности, весь мировой порядок.

Политика по Аристотелю есть искусство управления полисом или, говоря современным языком, организации больших жизненных пространств. В Украине в политической суеете внезапной суверенизации и спешного государственного строительства никак не сложится общее или хотя бы разделяемое большинством граждан представление о том, каким должно быть это пространство.

И это — главная проблема.

И это удивительно, принимая во внимание, что его общие характеристики были ясно и явно обозначены. На состоявшемся 1 декабря 1991 года референдуме принявшие в нём участие люди, независимо от региона, этнической принадлежности, языка или политических предпочтений практически единодушно поддержало упомянутый акт и, таким образом, высказались в пользу политической нации и современного демократического правового государства.

Что же произошло?

Новая политическая самоидентификация разрушала прежнюю, которая довольно долго была общей с российской. Это вызывало реакцию, за которой следовала ответная, и из их цепи, из реальных и нередко надуманных угроз, и вырвавшихся на свободу частных и корпоративных интересов, часто выдаваемых за национальные, формировалась интересующая нас внешнеполитическая парадигма.

Она формировалась под влиянием как объективных потребностей общества и государства, в целом согласуется с императивами внутреннего развития Украины и внешними условиями, в которых она оказалась, и вряд ли может быть и будет изменена.

В ней, как и в любой другой, есть постоянные и переменные величины.

К первым я отношу территориальную целостность, политическую самостоятельность в выборе интеграционных направлений и средств обеспечения безопасности. Ко вторым - соотношение векторов и интенсивность работы на каждом из них.

Оказавшись перед необходимостью практически заново формировать свою внешнеполитическую парадигму в условиях разрушения старого мирового порядка, Украина своим опытом опровергает имеющиеся представления об организации жизненного пространства, международных отношениях и роли национального государства в них.

Старые иерархические политические системы здесь как нигде явно и остро столкнулись с идущими им на смену сетевыми, жесткое влияние с мягким, прошлое с будущим.

Интегральные цели, вокруг которых формировалась внешнеполитическая парадигма Украины - евроинтеграция и коллективная безопасность - сохраняются, но сильно приблизились, несмотря на все прилагавшиеся усилия.

Почему?

Во-первых, из-за глубокого внутреннего противоречия между задачей строительства суверенного государства, с одной стороны, и не менее объективной задачей европейской интеграции, с другой.

Во-вторых, из-за того, что вопрос этот по глубокому недоразумению воспринимается как «украинский», в то время как он давно стал европейским и даже в чем-то глобальным. В такой постановке у него просто нет решения.

В самой Украине, наоборот, приоритетным считается внешний фактор, а не внутренний. Некоторую надежду в меня вселяет то, что оценки вызовов и возможностей на них ответить становятся адекватнее. Трудно приходит понимание того, что создававшийся ad hoc режим Третьей республики себя исчерпал. Политики и эксперты все чаще говорят о «втором этапе постсоветской трансформации».

Наличие и неизменность внешнеполитической парадигмы третьей республики подтвердились и при В. Януковиче. Об этом он прямо заявил в своей инаугурационной речи. Некоторый политический реверс обозначившийся в законе «Об основах внешней и внутренней политики Украины» имел символическое значение, как и решение об отмене конституционной реформы или закон «Об основах государственной языковой политики», был символом политического реванша. Внешняя политика В. Януковича вполне подчинена была другой цели - обеспечению его переизбрания на второй срок. С этой целью он лавировал, шёл, используя морскую терминологию, галсами. С одной стороны, харьковские соглашения и заигрывание с РФ, а с другой стороны, активная подготовка Соглашения об ассоциации с ЕС.

Остаются не проясненными до конца обстоятельства, побудившие его отказаться от его подписания. Последовавшие события - массовые протесты, вылившиеся в восстание в столице и приведшие к его бегству, при всем их драматизме, не были сменой парадигмы, скорее свидетельством её наличия. Попытки В. Ющенко и В. Януковича даже не заменить её, а скорее скорректировать в своих интересах привели к двум «трансформационным кризисам», к тому, что Украина в своей «одиссее» оказалась между Сциллой и Харибдой. Вовне - между рассорившимися большими игроками, внутри между категорическим, на наш взгляд, императивом свободы и необходимостью её ограничения в условиях войны. Пост-майданная украинская элита, писал М. Минаков, с одной стороны, декларировала свою приверженность европейским либеральным ценностям, а с другой, ссылаясь на войну, призывала к сплочению и дисциплине.

П. Порошенко, и В. Зеленский действовали в рамках сформировавшейся парадигмы, но каждый по-своему, преодолевая инерцию политики предшественника. Обоим, однако, позиция, занятая российской администрацией в событиях зимы 2014 г., и её действия

оставляли мало пространства для политического маневра. Положение П. Порошенко было более трудным, поскольку действовать ему пришлось в условиях горячей фазы не объявленной войны. Ему оставалось попытаться открыть все двери на Запад после так как захлопнулись почти все двери на Восток. Частично ему это сделать удалось. Процесс сближения Украины и ЕС несколько ускорился, связи укрепились. И в экономической, и в политической, и в правовой областях произошли изменения, которые, на наш взгляд, сделали процесс необратимым, во всяком случае в обозримом времени.

О внешней политике В. Зеленского говорить и сложно, и легко одновременно, потому что она пока не сформировалась, а обозначилась лишь в общих чертах. Мир он назвал своей главной задачей. «Не мы начали эту войну, - заявил он в инаугурационной речи, – но нам эту войну заканчивать».

Но надежда на понимание и откровенный разговор с В. Путиным на саммите в декабре 2019 года не оправдалась, что поставили В. Зеленского в сложное положение. Два пункта Минских соглашений о проведении выборов на неконтролируемой территории и об особом конституционном статусе были и остаются неприемлемыми для В. Зеленского. «Если я соглашусь на это, – сказал он в Париже, обращаясь к В. Путину, – вы будете разговаривать с другим президентом».

В целом, на наш взгляд, внешнеполитический дебют молодого президента не стал триумфом, но «очевидных провалов удалось избежать». Твердое намерение В. Зеленского вести диалог с Россией, даже если, как он заявил на недавней пресс-конференции, остаётся всего один процент возможности успеха, вселяет некоторую надежду

Украина в ней достигла рубежа, преодолеть который с помощью паллиативов вряд ли удастся. Слишком глубоко она погрузилась в кризис и слишком долго в нем находилась. Но, несмотря на упущенное время и допущенные ошибки, возможность радикальной перезагрузки системы остается.

Поощрить её к этому и помочь, а не мешать - таким на мой взгляд должна быть проводимая по отношению к ней политика.